

ЭХО РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА

П. П. Марченя

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И МАССЫ В РОССИИ 1917 ГОДА: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР РЕВОЛЮЦИИ

Марченя Павел Петрович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета и Московского университета МВД России.

Проблема изучения особенностей взаимовлияния и взаимодействия политических партий и масс в России является одной из ключевых для целостного осмысления отечественной истории последнего столетия и важной составляющей рефлексивно-исследовательского комплекса под названием «Россия и современный мир».

В этом контексте особое значение для историков России сохраняет тема революционных событий Февраля-Октября 1917 г., под знаком 90-летия которых проходил весь прошлый, 2007 год. Юбилей послужил катализатором ожесточенных дискуссий специалистов (и не только) по самым разным аспектам революционной тематики. Не секрет, что в научном сообществе нет единства даже по наиболее общим теоретическим положениям: что считать «Великой Русской революцией» (и считать ли вообще), как разграничить «Февраль» и «Октябрь» (если разграничивать), называть ли Октябрь переворотом или революцией (а если революцией – то какой она имела характер и в каких хронологических рамках протекала) и т.д., и т.п. Словно отголоски Гражданской войны (хорошо бы только прошлой, но не будущей) слышатся в непримиримо полярных высказываниях по этим и многим другим вопросам. Серия тематических научных мероприятий, собравших по поводу круглой даты двух русских революций ученых и политиков самых разных взглядов¹, в очередной раз продемонстрировала всю неоднозначность и остроту проблемы понимания того, что произошло без малого век назад, но до сих пор продолжает раскалывать российское общество на непримиримые лагеря.

Не окончен и старый спор о закономерности и обусловленности победы большевиков и поражения других, первоначально более крупных и популярных политических партий России, рассматриваемых в качестве исторических альтернатив большевизму. Подобно всякому значимому историческому событию, революция 1917 г. активно эксплуатируется в современной политической мифологии, где за действительное может выдаваться как желаемое, так и не желаемое. Некоторые юбилейные доклады в очередной раз продемонстрировали, что попытки использовать ошибки прошлого для оправдания настоящего осуществляются иногда явно вопреки историческим фактам, формальной логике и даже просто здравому смыслу. Так, например, на одном из «круглых столов», посвященном революции, один видный общественный деятель заявил буквально следующее: «Тем не менее закончил бы я на мажорной ноте. Как известно, на выборах в Учредительное собрание победили эсеры, собрав 39,5 процента голосов. 4,5 процента получили кадеты, 3,5 процента – меньшевики, 14,5 процента – национальные партии. Большевики взяли в масштабах страны лишь 22,5 процента голосов. *Значит, несмотря на все потрясения, катаклизмы и прочее, общество проголосовало за демократический путь развития, за многопартийную систему, за социальную справедливость* (курсив мой. – П.М.)»². Противопоставляя таким образом большевистскую партию всем остальным, отнюдь не имевшим общей программы и значительно различавшимся по целям, выступавший исходил из более позднего опыта большевизма у власти, который тогдашнее российское общество и электорат Учредительного собрания никак не могли предвидеть.

В связи с этим, исключительно значимым для осмысления исторической логики случившегося тогда судьбоносного выбора России является исследование массового сознания революционной эпохи, в недрах которого и формировался ответ на вопрос об «исторических альтернативах». Любой «исторический выбор пути» становится подлинно *историческим*, только если он признан *массами*, получил поддержку в *массовом сознании*. Поэтому в период серьезных качественных трансформаций в обществе массовое сознание стоит рассматривать не только как объект борьбы партий и партийных идеологий, но и как важный фактор политической истории и критерий реальной жизнеспособности и эффективности различных исторических альтернатив. Важно осознать, что массовое сознание не есть лишь «фон развивающихся идеологических процессов» и «объект манипулятивного воздействия идеологических программ и идеологических конструкций»³. Это еще и активный субъект политической жизни, в определенных исторических ситуациях оказывающий большее влияние на партии, чем партии на него.

Непонимание и сознательное игнорирование этого факта породили особую историографическую ситуацию темы. С одной стороны, наличествует множество исследований русских революций, которые специально посвяще-

ны так называемой «борьбе политических партий за народные массы». С другой – методологической основой большинства из них остается миф о том, что между бумажными текстами партийных программ и подлинным успехом тех или иных конкретных партий в массах существует прямая и действительная взаимосвязь. В русле такого подхода тема ментального соответствия властных и околовластных «элит» России пресловутым «народным массам» и, соответственно, вопросы об органической совместимости «российских политиков» и «россиян», долгое время находились за обочиной актуального интереса отечественных ученых.

Априорное положение о том, что российский (впрочем, как и иной) электорат в массе своей составляет сознательное мнение о политической партии путем изучения ее программных документов и соотнесения их со своими «объективными» интересами – основано либо на наивной вере обывателя, либо на лицемерном ханжестве или заведомом цинизме манипулятора. Надо признать, что абсолютное большинство населения как не читало партийных программ ранее, так не читает их и теперь.

Процессы «примерки» определенного мировоззрения, шкалы ценностей, модели поведения конкретных партий, в ходе которых народ осуществлял некий выбор, и происходило поэтапное движение от политической пассивности к сравнительной политической определенности⁴, в России (тем более, в России 1917 г.) весьма далеки от каких бы то ни было рациональных схем и линейных последовательностей.

По свидетельству хорошо знавшего особенности отечественной партийной «кухни» В.А. Маклакова, «...политическая сила каждой партии не в числе ее записанных членов, а в доверии, которое она внушает непартийной, т.е. *обывательской* массе. Это доверие основывается не на программе, не на резолюциях съездов, которыми интересуется только партийная пресса, а на самостоятельном суждении, которое составляет себе о партии *обыватель*. Оно часто не совпадает ни с мнением, которое имеет о себе партия, ни с тем, которое она о себе стремится внушить. Суждение обывателя проще»⁵.

Сказанное относится не только к широкому «темным» массам, но и к «просвещенной» российской интеллигенции. Как откровенно сформулировал популярный столичный адвокат Ф.Н. Плевако, «сознательно» вступая в политическую партию, в ответ на вопрос о знакомстве с ее программой: «Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?..»⁶.

А вот как описал «причины» и степень «осознанности» личного партийно-политического выбора один из умнейших людей своего времени В.В. Розанов: «... Подавайте, Василий Васильевич, за октябристов, – кричал Боря, попыхивая трубкой. – Твои октябристы, Боря, болваны; но так как у жены твоей у-ди-ви-тельные плечи, а сестра твоя целомудренна и неприступна, то я подам за октябристов. И подал за них (в 3-ю Думу): так как квартиры д-ра

Соколова (старшина эсдеков в СПб., – где-то на Греческом проспекте) не мог найти, а проклятый “бюллетень”, конечно, потерял в тот же день, как получил...»⁷.

Заметим, что речь идет о «выборе», сделанном еще в относительно спокойный, дореволюционный период. Понятно, что в революционной многоголосице постфевральских партийных речей определиться со своими политическими симпатиями путем изучения и сравнения партийных документов и прессы неискушенному российскому избирателю было очень непросто. М.А. Волошин, искренне пытавшийся осмысленно сделать партийный выбор, горько жаловался в мае 1917 г., что совершенно не в состоянии сам для себя определить, в какой политической партии «выражалось бы то, чего можно было бы пожелать России». Славившийся своей мистической пронизательностью поэт с недоумением признавался: «...читая газеты, я по очереди соглашаюсь с самыми противоположными мнениями, только проявления человеческой глупости меня выводят из себя...»⁸. Но даже такие, пусть и неудачные, но все же попытки составить собственное мнение о партии посредством изучения ее программы – представляли редчайшее исключение, а вовсе не правило.

Сами партийные деятели зачастую принципиально не интересовались текстами партийных программ. Так, А.Ф. Керенский сознавался в своих воспоминаниях: «Было очень утомительно выслушивать нескончаемые обсуждения научных и совершенно нежизнеспособных программ. Я всеми силами этого избегал, не потому, что занимал другую позицию, а потому, что по натуре никогда не был склонен к подобным занятиям. В тот момент меня меньше всего интересовали политические программы. Я был слишком захвачен грандиозной таинственной неизвестностью, к которой нас неудержимо влек головокружительный ход событий. И говорил себе, что ни программы, ни дискуссии не ускорят грядущего и не отменят случившегося. Революцию порождает не только мысль, она проистекает из самых глубин человеческих душ и сознания. И действительно, все проекты, программы, теории были отброшены и забыты, прежде чем их успели практически воплотить авторы, которые двинулись дальше диаметрально противоположным путем»⁹.

Но если программы партий не читались людьми блестяще образованными и партийными, то чего же было ожидать от безграмотных и беспартийных крестьян, солдат и рабочих (тем паче от крестьянок, солдаток и работниц!), впервые призванных к участию в политике, о которой они имели самое смутное представление? В сложившейся новой, совершенно незнакомой и непонятной для выведенных из равновесия масс ситуации, от них требовали срочно определиться с выбором «своей» партии. Для обескураженных невиданной ранее «демократией» «простых людей» все программы всех партий первоначально были неотличимы друг от друга. По их свидетельству, понять

можно было лишь одно: «...все эти партии на разные лады хвалили свои программы и, ратуя за свободу, предлагали рабочим, солдатам и крестьянам свое руководство, а на словах давали обещание устроить всем хорошую жизнь и полное довольство»¹⁰.

Межпартийное соперничество в борьбе за политические симпатии внешне далекого от политики «русского мужика» (не говоря уже о «русской бабе») разворачивалось не в политическом измерении. И развивалось оно в условиях, когда, по признанию известного кадетского публициста А.С. Изгоева, «...каждая партия своих соседей ругает “буржуями”. Социал-демократы называют социалистов-революционеров буржуазной партией, социалисты-революционеры не признают настоящими социалистами ни народных социалистов, ни своих товарищей по партии, которые требуют войны до победы над немцами. Среди социал-демократов тоже междоусобие: большевики ругают меньшевиков “буржуями”, а меньшевики доказывают, что большевики – мелкобуржуазная партия»¹¹.

Если такая ситуация установилась в центре, то что же можно сказать о положении в регионах? По сообщению самарской кадетской газеты «Волжский день», даже спустя несколько месяцев «демократической многопартийности», уже ближе к осени 1917 г., «...в провинциальных уездных городишках совершенно нельзя установить, к какой партии принадлежит тот или иной общественный деятель. Вчера был социал-демократ, сегодня – социалист-революционер, а завтра он будет, наверное, кадетом. Никакой партийной дисциплины и чистоты. Социал-демократы вступают в блок с явными черносотенцами, социалисты-революционеры с какими-то беспартийными субъектами...»¹².

При этом необходимо учитывать, что отечественные политические партии «являли собой живые организмы со сложной внутренней жизнью, а вовсе не закрытые, скованные жестким дисциплинарным панцирем организации»¹³. Поэтому справедливо замечание о том, что анализируя выступления представителей тех или иных партий, нужно обращать внимание не только на партийные программы, но и на унастроение входящих в партии людей. «Возможно, существует некая разделительная граница между носителями одного менталитета и другого безотносительно к программным установкам, которые зачастую оказываются близкими. В какой-то ситуации люди с разными программами могут найти общий язык, а люди с одной программой могут этого общего языка не найти. Все это представляется важным для анализа политических процессов в их развитии. Особенно большое значение при оценке той или иной партии приобретает свойственный ей модуль поведения»¹⁴. Подобные выводы современных исследователей живо перекликаются с мнениями политических деятелей прошлого. Еще И.И. Петрункевич высказывал мне-

ние, что российские «либералы, радикалы и революционеры различались не политическими целями, а темпераментом»¹⁵.

Таким образом, ответов на вопросы о причинах побед и поражений тех или иных конкретных политических партий в борьбе за массы не найти в их программах. Более того, по программным документам партий затруднительно судить не только об отношении к ним избирателей, но и о самих партиях. М. Дюверже так характеризовал специфику жизни партийной организации: «Организация партий покоится главным образом на практических установках и неписаных правилах, она почти полностью регулируется традицией. Уставы и внутренние регламенты всегда описывают лишь ничтожную часть реальности, если они вообще описывают реальность; ведь на практике им редко следуют неукоснительным образом. А с другой стороны, партии сами охотно окружают свою жизнь тайной, и поэтому нелегко добыть о них точные сведения, даже элементарные. Здесь сталкиваешься с первобытной юридической системой, где законы и ритуалы секретны, а посвященные фанатически укрывают их от мирских взоров. Одним только ветеранам партии хорошо известны все перипетии организации партии и тонкости интриг, которые в них завязываются. Но они редко обладают научным складом ума, что мешает им сохранять необходимую объективность; и они так неохотно говорят...»¹⁶.

Заметим, что речь идет о «классических» партиях сравнительно благополучного Запада, имеющего длительную историю развития многопартийности и устоявшиеся демократические традиции. По сравнению с ними, отечественные партийные организации 1917 г. имели ряд отличительных особенностей, еще более заостряющих сформулированную Дюверже проблему. Наряду с очевидно более поздним формированием российских партий и их построением «слева направо», современные исследователи к числу таковых относят: «насаждение сверху», а не «проращение снизу»; «интеллигентский характер» и вытекающие из него повышенную степень конфликтности и абстрактность идеалов, не соотнесенных с реалиями страны; недостаточность как прямой, так и обратной связи с электоратом; нахождение вне общественного контроля в силу отсутствия гражданского общества и правового государства; «герметичность», нетерпимость к инакомыслию как в собственной, так и в окружающей среде; воспроизведение авторитарной модели идеологии и методов исторически господствующего в России режима¹⁷. Даны и еще более хлесткие и емкие характеристики: «Партии в России в концентрированном виде выражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснотушия или сектантской оголтелости, а не являлись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов»; «российская многопартийность действительно выглядит воплощением своеобразной доктринальной шизофрении интеллигенции, а отнюдь не национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Это своеобразный, порожденный импер-

ским патернализмом “пустоцвет”, способный, однако, провоцировать смуту», а «если в смутные времена кто-то выигрывает, кто-то чаще бесповоротно – проигрывает, то из этого не следует, что восторжествовали чьи-то программные установки»¹⁸.

Следовательно, если мы действительно хотим разгадать секрет популярности и непопулярности в народе тех или иных партий, необходимо анализировать не столько программные установки разных партий как средство борьбы за массы, сколько «модули поведения» этих партий и их отношение с «модулями поведения» самих масс. Предметом изучения при этом становится не степень соответствия «объективным» интересам «электората» различных партийных проектов, а непосредственное отношение его к самим партиям, мифологизированный имидж которых складывается в народном сознании вне зависимости от недоступных ему доктринальных хитросплетений. Конкретные результаты борьбы партий определялись в решающей степени тем, насколько резонировали, либо напротив, вступали в противоречие идейно-ценностные, психологические и поведенческие векторы ведущих политических сил с доминантными установками массового сознания, ситуативно производного от архетипических характеристик русского народа. Поведение партии, желающей повести за собой народ, должно было соответствовать особенностям народной ментальности и учитывать механизмы массового сознания и поведения. Эффективность партийной пропаганды определялась в первую очередь не степенью и качеством выражения группового сознания, а способностью «цеплять» коллективное бессознательное. Политический успех той или иной партии в условиях русской смуты определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала психологии масс, насколько ее тактика корреспондировалась с их поведенческими стереотипами, насколько лозунги этой партии были понятны русскому мужику и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками, а также со спецификой их преломления в массе.

В конечном итоге, в условиях «пустоцвета» постфевральской многопартийности, на поражение была обречена любая партия, не способная позиционировать себя адекватно массовому сознанию и поддерживать с массами непрерывную двустороннюю связь. Наибольшие шансы на успех получала партия, способная максимально использовать ресурсы народной идеологии и особенно психологии. Для этого партии, желающей победить, необходимо было твердо обозначить ожидаемую массами позицию по наиболее острым вопросам революции: «о земле» (ибо «земельный вопрос является той центральной точкой, около которой сосредоточено внимание не только партий, не только отдельных групп, но самое главное – широких народных масс, как сельскохозяйственного производительного класса, и как национальных единиц, составляющих Россию»¹⁹) и «о мире» (ибо вопрос о мире «как лампа

Аладдина, кто ее взял, тому и служат духи, тому дается и власть в руки»²⁰). Кроме того, чтобы не «повиснуть в воздухе», необходимо было озаботиться внедрением в массовое сознание таких идеологем, которые, с одной стороны, смогут в достаточной степени выразить партийные установки, с другой – будучи облечены в соответствующие лозунги, окажутся созвучны чаяниям масс (т.е. обеспечат социокультурную преемственность исторической традиции). В условиях смуты лишь обращение к «почве» могло дать политическим партиям реальный шанс обрести надежную «почву под ногами».

Но ни земли, ни мира, ни доступной массовому сознанию Идеи, способной скрепить устои «демократической» государственности и консолидировать общество, пришедшие на смену самодержавию силы предложить не сумели. Политические элиты явно недооценили массы, и это стало роковой ошибкой новой российской власти и ее крупнейших партий. Именно массовое сознание, в котором аккумуляровались и резонировали все взрывоопасные противоречия революционной эпохи, фактически и оказалось решающим, доминантным фактором политической истории русской революции²¹.

Исходя из всего вышеизложенного, кратко охарактеризуем четыре общероссийские партии 1917 г., представлявшие основные партийно-политические альтернативы (либерализм, социал-демократия, неонародничество и большевизм), от отношения к которым со стороны широких масс, собственно, и зависела судьба так называемой «Февральской демократии». Это («справа налево»): кадеты, меньшевики, эсеры и большевики. Именно «их взаимодействием, – по выражению Л.Г. Протасова, – определялся общий градус революции, существовавшие вокруг них гравитационные поля втягивали многочисленные и промежуточные партии»²².

Можно с полной уверенностью констатировать, что Конституционно-демократическая партия, в интересующее нас время именовавшая себя не иначе как «Партия Народной Свободы», не имела никаких шансов на победу в борьбе за массы в условиях войны и смуты 1917 г., так как просто не имела ничего общего ни с самим народом, ни с его пониманием «свободы».

Даже лидер кадетов П.Н. Милюков признавал: «Никто не будет отрицать, что партии до сих пор не удалось проникнуть по своим идеям в широкие слои населения»²³, «...без опоры на массы мы не сила, на нас поэтому рассчитывать нельзя, никакой помощи оказать мы не можем...»²⁴. Кадеты вопиюще игнорировали массы и демонстративно не считались с коллективной психологией большинства населения России. Не желая идти на уступки даже по самым больным вопросам массового сознания – о мире и земле, – либералы непоправимо упустили время первоначального доверия и радужных ожиданий масс. Самозваные «борцы за народную свободу» не умели и не хотели разговаривать с народом на понятном ему языке. Выступления кадетских деятелей и предлагаемые ими проекты решения тех или иных вопросов были

непонятны и неприемлемы для масс ни по содержанию, ни по форме. Даже внешний вид представителей кадетской партии восстанавливал массы против нее, ибо «у нашего населения самые смутные понятия о буржуе: кто чуть лучше одет – тот и буржуй и доверять ему нельзя»²⁵.

В условиях, когда, по свидетельству современников, «толпы обывателей, одинаково далеких от социализма, демократизма, либерализма, объявили себя... социалистами», «быть социалистом, заявлять себя таковым, вступать в социалистическую партию стало просто требованием бонтона, приличия, надо было быть едва ли не парадоксальным смельчаком и циником, чтобы держаться отмежеваться от социализма»²⁶, кадет в массовом сознании становится конкретным воплощением образа врага. Ответом народа ораторам-кадетам на их невнятные, с точки зрения масс, выступления (как будто для полноты абсурда, часто еще и начинавшиеся с одиозного: «Господа!» – что незамедлительно и абсолютно предсказуемо провоцировало буйную агрессию толпы) становится: «Мы крестьяне, а вы – буржуй»²⁷.

В атмосфере «митинговой демократии» кадетские интеллигенты практически не имели шансов на понимание толпы. «Ты не вилай как собака хвостом, говори прямо! Есть у вас трудящиеся крестьяне, рабочие – в вашем списке? Нет у них, братцы, трудовых людей – все у них купцы, помещики али их сынки или прихвостни их – кричат солдаты-большевики с разных сторон», – передает в своих воспоминаниях картину обычного солдатского митинга бывший солдат. На попытки ораторов заговорить о конституционном пути решения наболевших проблем, о том, что «без закона нельзя», тотчас раздавалось: «Морду тебе разбить за такие речи!.. Морду ему набить надо! Дай ему в зад и чтобы летел с трибуны головой вниз!..»²⁸. Один из кадетских активистов так вспоминал о соперничестве с большевиками на митинге в казармах лейб-гвардии Гренадерского полка: «Увы! Зиновьев “побил” и старого Дейча, и А.И. Шингарева, отважившегося выступить со своими кадетскими тезисами в этом осином гнезде. Наши крики, наши аплодисменты и свистки не могли ничего изменить в “соотношении сил”, а солдаты обложили нас нецензурной бранью, из которой мы должны были понять, что буржуазные сынки последний раз уносят ноги целыми с митинга “сознательных” гренадер. Уходя (надо сказать, очень поспешно) с этого ристалища, мы уносили все то же чувство злобы и бессилия и желание от слов перейти к действиям»²⁹.

Кадеты не только не перешли «от слов к действиям», но и слов, доступных массе, так и не нашли. «Демократы без демократии», они даже не пытались адаптировать свою пропаганду, сделать ее адекватной сознанию адресата, в силу чего «...единственной аудиторией, которая могла бы внимать кадетскому слову, оставалась сама интеллигенция»³⁰. Элементарное непонимание массами смысла кадетских речей, усугубляемое «антибуржуйской»

пропагандой остальных партий, способствовало тому, что весеннее, бессознательно-доверчивое отношение народа сменилось жадной расправы, достигшей апогея к осени 1917 г., когда экстремистски настроенные толпы преследовали российских либералов везде, где встречали. (Характерно, что массовые акты насилия по отношению к членам партии конституционных демократов зачастую происходили как раз в ходе «реализации демократических процедур». Бюллетени и записки с их кандидатами «торжествующе рвали в клочья», самим активистам ПНС обещали «выпустить кишки», а бывало, что и били прямо на избирательных участках избирательными же урнами³¹.)

Не удивительно, что именно кадеты – эти «слепые поводыри» русской революции – были назначены всеми остальными партиями на роль «козла отпущения». «Партия Народной Свободы» сама позиционировала себя так, что в условиях «народной свободы» стала чуждой своему народу и своему времени. Считая себя творцами Великой Русской Революции, кадеты очень скоро оказались в глазах народа «временщиками», политическими шарлатанами, самозванно узурпировавшими место Царя-батюшки и, в конце концов, «повинными в смуте оборотнями».

Не очень счастливой, но поучительной оказалась в истории русской революции и судьба социал-демократов-меньшевиков.

Члены этой партии принципиально отказались от поиска массового союзника, от ставки на стихию, от использования мощи психологии масс в целях прихода к власти, для которого, по их мнению, не созрели исторические условия. Они не хотели ослаблять «пролетарскую социалистическую революционность крестьянским бунтарством и крестьянскими, якобы социалистическими, иллюзиями», «отказавшись от авантюристического использования временной ситуации, когда несознательность крестьянских масс может в известный момент... бросить их в... объятия» социалистов и подчеркивали, что не следует «стремиться вызвать такую ситуацию»³². Эта партия категорически не желала обрести опору в сознании многомиллионного российского крестьянства, ибо, как выразился член ее ЦК Н.А. Рожков, «социал-демократия исходит из одного – из соображений интересов пролетариата», а если «крестьянство еще этого не понимает, мы не побоимся разойтись тут с ним»³³.

Ортодоксальные и политически близорукие марксисты меньшевистского толка забыли завет Маркса, что именно в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»³⁴. (Его, напротив, прекрасно помнил куда менее догматичный вождь большевизма. В.И. Ленин, по собственному признанию, совсем не желал уподобляться тем «горе-марксистам», о которых сам Маркс писал: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»³⁵.)

И в «вопросе о земле», и в «вопросе о мире», меньшевики, подобно кадетам, демонстрировали, как «страшно далеки они от народа». Не имея собственной политической воли, они призывали все «демократические силы» к единству, а между собой были согласны, по выражению Г.В. Плеханова, разве только в том, что «меньшевизм лучше большевизма»³⁶. Но сами меньшевики в искреннем самолюбании считали такую свою позицию единственно верной. (Как высказался на I Всероссийском съезде Советов И.Г. Церетели, «мы понимаем, что только при такой политике, которую мы ведем, – политике, сплывающей все живые силы страны в поступательном развитии революции, – спасение страны»³⁷.)

Современные исследователи справедливо отмечают целый ряд негативных особенностей партии меньшевиков: «догматическую зашоренность»; непонимание «особенностей русского народного менталитета и истории страны», отличавших Россию от Запада, трактуемых исключительно как «пережитки прошлого» и «недостатки, подлежащие исправлению» (что провоцировало «конфликт между реалиями жизни и умозрительными идеологическими построениями», «гигантский разрыв между декларированными меньшевиками гуманными целями демократизации российского общества и тем ужасным анархо-уголовным результатом, который был получен страной к осени-зиме 1917 г.»); склонность перекладывать ответственность за свои просчеты на большевиков; политическую нерешительность, неспособность настоять на проведении реформ, жизненно необходимых стране; отсутствие политической воли и фактическую (политическую и мировоззренческую) «капитуляцию перед либералами, объективно тянувшими страну к военной и экономической катастрофе»³⁸.

Тем не менее эта партия вела за собой большинство Советов (кроме крестьянских) и профсоюзов, ее политический приоритет признавали эсеры, она «снабжала всю контрреволюцию теоретическими доводами против большевиков»³⁹ и считалась «мозгом революционной демократии»⁴⁰. В условиях смуты 1917 г. меньшевистская партия упорно продолжала громогласно объявлять русское крестьянство – это более трех четвертей населения России! – «аморальным классом»⁴¹.

Стоит ли недоумевать, отчего эта партия в массовом сознании сблизилась с «образом врага» и лишь немногим позже разделила историческую участь либералов? Как удовлетворенно констатировали кадетские издания, уже в мае «жизнь поставила социал-демократов меньшевиков и кадетов вплотную друг к другу – это две соседние партии по однородности некоторых пунктов программы, а главное – идеологии»⁴². Осенью же большевики имели все основания подвести итоги «хождения во власть» партии меньшевиков и результаты их «сотрудничества» с либералами: «За 6 месяцев знамена у меньшевиков побелели, а вожаки их выветрились»⁴³.

Ю.О. Мартов в одном из частных писем так объяснял свое неприятие большевизма: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с аракчеевским пониманием социализма и пугачёвским пониманием классовой борьбы, которые порождаются ... фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве»⁴⁴. Но что же тогда предлагал разбушевавшейся русской стихии сам меньшевизм? Подождать до тех пор, пока не сложатся «подходящие условия»? Или пока «почва» сама собой из «азиатской» не превратится в более отвечающую «европейскому идеалу»?

Откладывая на абстрактное будущее претворение в жизнь конкретных, востребованных массой преобразований, меньшевики в итоге остались в прошлом. Как было подмечено еще очевидцами и участниками революции, в проповеди социализма, с одной стороны, и в попытках удерживать массы от его «осуществления» – с другой, была заключена «безысходная, самоубийственная противоречивость», характеризующая идеологию и деятельность всей революционной демократии⁴⁵.

Не будет большим преувеличением сказать, что тактика, которую избрали для себя в революции 1917 г. российские меньшевики, стала политическим суицидом. Декларируя, что их время еще не пришло, позиционируя свои идеалы как «европейские», к которым пока не готова «азиатская почва» России, меньшевики, по сути, сами выбросились за обочину продолжающейся истории Российской цивилизации. Резонным ответом на их упреки массам, в частности, в адрес рабочего класса, который не оправдал возлагаемых на него надежд, не проявил «достаточной классовой сознательности» и пошел «за сбившими его с верного пути большевиками», становится меткая реплика из зала: «Тогда вам нужно найти себе другой рабочий класс!»⁴⁶.

Не менее самоубийственным характером в это же время отличилась и политическая психология партии социалистов-революционеров.

Вступив в коалицию с меньшевиками и перейдя от погромной агитации «Земли и Воли» к попыткам решать вопросы государственного значения конституционным путем, эсеры быстро утратили контроль над народной стихией, ранее развязанной во многом именно их действиями. Положение эсеров между двумя революциями 1917 г. было крайне антиномично: одной рукой указывая сельскому миру на вожделенную землю, они раскачивали колоссальную силу, высвобождавшуюся из недр крестьянства, другой – пытались придерживать растущий радикализм выведенных из равновесия широких масс. Даже меньшевики, будучи союзниками эсеров в их коалиции с буржуазией, подчеркивали: «У социалистов-революционеров два лица, две позиции, две тактики: одна – непреклонная, крикливая – для масс, налево, другая – уклончивая, оппортунистическая, сбивчивая – для буржуазии, направо... Для

широких масс упрощенные лозунги, которые никогда осуществлены не будут, для превращения же этих лозунгов в жизнь совсем иная тактика, неустойчивая и расхлябанная»⁴⁷. А по злорадной оценке кадетов, «разбудить инстинкты толпы было не трудно, повернуть же ее назад, хотя бы это диктовалось насущнейшими требованиями партийной, не говоря уже о государственной, политики, оказалось нашим народникам не по плечу»⁴⁸.

Как и следовало ожидать, взаимоисключающие усилия эсеров примирить вышедшую из берегов стихию масс с необходимостью поэтапной конституционной реформы, которые, по ехидному выражению Ленина, напоминали попытку «усесться между двух стульев»⁴⁹, оказались безуспешны – массы взяли на вооружение большевистские рецепты *немедленного* решения накопившихся проблем. Поняв, что проигрывают ленинцам даже крестьянские массы – свою традиционную социальную базу, неонародники, по их собственному запоздалому признанию, наивно пытались подорвать авторитет большевизма *«обещаниями почти того же, что и он обещал, но только – чуть поменьше»*⁵⁰.

Противоречивость политики эсеров, усугубленная отсутствием единства внутри партии, на фоне повсеместного озлобления масс и разочарования их в легитимных процедурах, привела к тому, что большевики, которые, напротив, последовательно поощряли рост массового насилия на аграрной (и не только) почве, сумели тактически обыграть неонародников и превратить крестьянство из источника сил эсеров в своего временного, но решающего «союзника», почерпнув, по признанию Ленина, «свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага»⁵¹. Перехватив у крестьянофильствующих конкурентов источник их силы, Ленин обезоружил тех надежнее, чем библейская Далила, остригшая Самсона. И подобно Самсону, эсеры заметили, что их могущество призрачно, только когда поражение стало уже очевидно.

Огромную роль в «отвоевании» большевиками масс у эсеров сыграло использование ленинцами наряду с лозунгом немедленного захвата земли и лозунга немедленного прекращения войны. Характерны воспоминания одного из солдат Самарского гарнизона: «Солдаты массами шли в город, чтобы вступить в партию. Вспоминается момент, когда наша группа шла в город, чтобы оформить вступление в РСДРП (б). Глядим, навстречу нам идет такая же группа солдат-однополчан. Повстречались, они нас спрашивают: «Куда идете?» Отвечаем: «В город, оформляться в партию». Они усмехнулись и говорят: «Эк, проспали, мы уже вступили!» Спрашиваем: «А в какую же партию вы вступили?» Отвечают: «В свою, крестьянскую, в партию социалистов-революционеров». Наша группа прыснула смехом и добавила: «Значит вы за лозунг «Земля и воля и война до могилы, то бишь до победы». Наши друзья были ошеломлены: «Как! – вскрикивают они, – разве так? А у боль-

шевиков какой лозунг?» – спрашивают. «А у большевиков, – отвечаем, – лозунг такой: «Долой войну!» Наши однополчане тут же повернули назад оглобли и вместе с нами пошли обратно в город, где они все до одного выписались из эсеровской партии и вступили в ряды большевиков»⁵².

Непредвзятое исследование взаимовлияния масс и партий в политической истории Февраля-Октября неминуемо приводит к выводу, что большевики оказались единственной – *безальтернативной* – политической силой в России 1917 г., оказавшейся способной обратить массовое сознание в инструмент для достижения своих партийных целей.

Именно они лучше всех умели работать с массой и оперативнее всех реагировали на изменения в настроении масс. Любопытно в этой связи признание, сделанное о своем «авторском методе» словесного гипноза массы Л.Д. Троцким, который объяснял механизм внушения толпе «не просто, а очень просто»: с трибуны надо выбрать самую тупую физиономию и говорить до тех пор, пока не заметишь в ней искру осмысленности⁵³. Еще более «чувство массы» было присуще Ленину, которому, пожалуй, в этом смысле вообще не было равных. Тот же Троцкий признавал непревзойденное умение Ленина выразить настроение массы: «Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей степени свойственна, особенно на великих исторических поворотах»⁵⁴.

Большевики завоевывали политический капитал, демонстрируя готовность удовлетворить любые требования масс и не брезгуя никакими способами межпартийной борьбы. (В качестве типичных методов ленинцев их конкуренты перечисляют регулярные «акты грубого насилия по отношению к другим партиям», систематические «срывания митингов с целью зажимания рта противникам», организованные «клаки» (шум по команде), «клевету», «инсинуации» и «намеренные замалчивания» невыгодной для себя информации, «угодничество перед толпой», «спекуляции на темноте масс и их инстинктах», «призывы к погромам», «авантюристические выступления», «беззастенчивую неразборчивость в средствах» и т.д.)⁵⁵. И все же, по неохотному признанию Р. Пайпса, которого сложно упрекнуть в излишних симпатиях к РСДРП (б), «невозможно было бороться с большевиками только на том основании, что в стремлении к общей цели они пользовались более откровенными средствами: во многих отношениях Ленин и его соратники являлись истинной “совестью революции”. Интеллектуальная безответственность и нравственная трусость социалистического большинства создавали психологическую и идеологическую ситуацию, в которой большевистское меньшинство с успехом росло и множилось»⁵⁶.

До конца оставаясь «партией радикальной оппозиции», не «скомпрометировавшей» себя участием в немогущей демократической коалиции, и благодаря попустительству «демократической власти», ленинцы безнаказанно

обещали каждой недовольной группе населения то, чего она более всего желала, при этом ловко указывая не только «*что делать*», но и «*кто виноват*». Тем самым, используя массовую веру в социальную инверсию, они без боя овладели, по сути, социально-психологической монополией на *Чудо*.

Оппоненты большевизма, вполне осознавая психологические корни популярности ленинцев в массах, решительно ничего не могли противопоставить простым, но эффективным большевистским приемам. В результате большевики стали в процессе разлива народной смуты гораздо больше, чем просто партией – для значительной части населения они превратились в единственную надежду. Большевизм взял на себя функции центра, организующего хаос движения масс, притягивающего всех недовольных, аккумулирующего, генерирующего и трансформирующего взрывную силу ресентимента.

По сути, весь ход событий от Февраля к Октябрю 1917 г. представлял процесс трансформации критической массы социального конфликта, квинт-эссенцией которого был вопрос о неадекватности идеологии политических элит массовому сознанию, в социальный взрыв. Итогом этого стала закономерная победа большевизма, мобилизовавшего основные традиционные импульсы народных утопий и мессианских ожиданий и оформившего политически аморфные надежды и требования масс в понятные им лозунги и символы. Современным российским политикам по-прежнему есть над чем здесь задуматься.

Литература

1. Так, например, определенный резонанс в научном сообществе получил ряд конференций международного статуса. К ним, в частности, можно отнести (в хронологическом порядке, везде 2007 г.): «*Уроки революций XX века в России. Роль женщин в революционных процессах*», 16–17 марта (Ассоциация женщин с университетским образованием «Вера», С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов); «*1917–2007: Идея революции и опыт истории*», 9–10 июля, Москва (Научно-просветительский центр «Праксис»); «*Документальное наследие двух революций 1917 г. в России: Его сохранение и использование*», 27–28 сентября, Москва (РГАСПИ); «*1917 год в российской и мировой истории*», 20–25 октября, Красноярск, (Сибирский Федеральный ун-т [и др.]); «*1917–2007: Уроки Революции*», 1–2 ноября, Москва; 5–6 ноября, Санкт-Петербург (Современная гуманитарная акад.); «*Россия и революция 1917 г.: опыт истории и теория*», 4–5 ноября, Санкт-Петербург (Рос. Нац. Б-ка [и др.]); «*Октябрьская революция 1917 года: На перекрестке мнений*», 6 ноября, Санкт-Петербург (С.-Петерб. Гуманитарный ун-т профсоюзов); «*1917-й: Церковь и судьбы России (к 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона)*», 19 ноября, Москва (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т).

Отнюдь не бесследно прошло также множество конференций всероссийского, межрегионального и межвузовского уровней. Отметим, например: «*Становление демократии и*

истоки формирования гражданского общества в России. Февраль 1917 года», 14–15 марта, Санкт-Петербург (Мемориальный музей «Разночинный Петербург»); «Тихомировские чтения 2007: 1917 год в судьбах российской археографии и архивного дела», Москва, (Археогр. комис. [и др.]), «1917 год в зеркале истории», 24–25 октября, Ульяновск (Музей-мемориал В.И. Ленина); «Россия в свете революций 1917 г.: Исторический выбор и современные оценки (к 90-летию февральских и октябрьских событий)», 25–26 октября, Ставрополь (Ставропольский гос. ун-т); «Октябрьская революция: Предпосылки, дискуссии, проблемы и значение», 14–15 ноября, Воронеж (Воронежский гос. ун-т); «Революции 1917 года: Уроки истории и политики», 16 ноября, Нижний Новгород (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); «90 лет Октябрьской революции. К итогам современной дискуссии», 22 ноября, Москва, Горбачёв-Фонд; «1917 год: Революции в России», 29 ноября, Москва (МГУ им. М.В. Ломоносова); «Урал в истории России: 1917 год», 12 декабря, Пермь (Гос. архив Пермской обл.).

По результатам некоторых юбилейно-научных мероприятий уже опубликованы материалы, вызывающие интерес у научной общественности. См., например: Февральская революция 1917 года в России: история и современность: материалы круглого стола, 13 марта 2007 г., Москва, Рос. гос. гуманитарный ун-т. – М., 2007; Секиринский С.С. Февральская революция 1917 года в российской истории [«Круглый стол»] // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 3–30; 1917–2007: Уроки СССР и будущее России (ресурсно-энергетические, экономико-политические и социо-культурные параметры): доклады и выступления на Междунар. науч. конф., 19–20 апреля 2007 г., Москва, Рос. Гос. Б-ка [и др.]. – М., 2007; 1917 год в судьбах России и мира: сборник материалов науч. конф., Архангельск, Поморский гос. ун-т. – Архангельск, 2007; Интеллигенция в процессах преобразования мира: Исторические вызовы, социальные проекты и свершения: материалы XVIII Междунар. научно-теоретической конф., Иваново, 27–29 сентября 2007 г.: конференция приурочена к 100-летию завершения Первой русской революции и 90-летию революционных событий 1917 г., Иваново, Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2007; Октябрь 1917 года: Взгляд из XXI века [Материалы Всерос. науч. конф., 6 ноября 2007 г., Москва, Ин-т гуманитарного образования]. – М., 2007.

2. См.: Февральская революция 1917 года: Уроки истории. Материалы заседания круглого стола 12 марта 2007 г. Фонд «Единство во имя России». – М., 2007. – С. 75.

3. Кириллов Н.П. Массовое сознание. Структура. Генезис. Сущностные характеристики (Вопросы теории и методологии). – Кн. II. – Томск, 1995. – С. 58.

4. Цейтлин Р.С., Кургаева Ж.Ю. Социокультурный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек. Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С. 167.

5. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России // Российские либералы: кадеты и октябристы. – М., 1996. – С. 253.

6. См.: Там же.

7. Розанов В.В. Уединенное: Соч. – М., 1998. – С. 422.

8. Волошин М.А. Из литературного наследия (Из неизданного). – Вып. II. – СПб., 1999. – С. 160.

9. Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. – М., 2005. – С. 37.

10. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 18. Д. 116. Л. 5.

11. Изгоев А. Социалисты и крестьяне. – Пг., 1917. – С. 5.

12. Волжский день. – Самара, 1917 (далее – ВД). – 26 июля.

13. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное Собрание: История рождения и гибели. – М., 1997. – С. 33.

14. Лупоядов В.Н. Политические партии России в 1917 г. Дис... канд. истор. наук. – М., 1993. – С. 147–148.

15. Цит. по: *Пайнс Р.* Русская революция. – Ч. 1. – М., 1994. – С. 169.
16. *Дюверже М.* Политические партии. – М., 2002. – С. 19.
17. См., например: *Шелохаев В.В.* Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века. – М., 2005. – С. 99.
18. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997. – С. 40, 41, 203.
19. *Канчер Е.С.* Аграрный вопрос: политические партии в России. – Пг., 1917. – С. 28.
20. *Верховский А.И.* Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 10. – С. 67.
21. См.: *Марченя П.П.* Массы и массовое сознание в русской революции как предмет исторического познания // Историческое обозрение, 2007. – Вып. 8. – С. 28–43.
22. *Протасов Л.Г.* Указ. соч. – С. 32.
23. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.
24. См.: *Савич Н.В.* Воспоминания. – СПб., 1993. – С. 250.
25. ВД. – 11 мая.
26. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 101, 100.
27. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 854. Л. 18.
28. Гос. архив Самар. обл. (далее – ГАСО). ФП. 651. Оп. 5. Д. 48. Л. 44. Об., 49.
29. См.: *Иван Куторга.* Ораторы и массы. Риторика и стиль политического поведения в 1917 году (Публ. В.П. Булдакова) // НГ. Фигуры и лица. – 2000. – № 6 (48).
30. *Кичеев В.Г.* Борьба политических партий за интеллигенцию в 1917 году. Дис. ... канд. истор. наук. – СПб, 1993. – С. 124.
31. См., например: Речь. – Пг., 1917. – 28 сентября; ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 74; Д. 167. Л. 45; Ф. 1796. Оп. 6. Д. 164. Л. 75–76.
32. См.: *Меньшевики в 1917 г.* – Т. 1. – М., 1994. – С. 246–247.
33. Рабочая Газета. – Пг., 1917. – 25 августа.
34. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – 2-е изд. – Т. 8. – С. 607.
35. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 181.
36. Цит. по: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: Страницы истории. – М., 2002. – С. 539.
37. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Стеногр. отчет. – М., Л., 1930. – С. 67.
38. См.: *Бакулин В.И.* Между догмой, иллюзией и реальностью: Меньшевизм в 1917 году // Отечественная история. – 2004. – № 1. – С. 69–83.
39. *Миц И.И.* История Великого Октября. – Т. 2. – М., 1968. – С. 85.
40. См.: *Миллер В.И.* Революция в России, 1917–1918 гг. Проблемы изучения. Дис. в форме науч. доклада по совокупности опубликованных трудов. – М., 1995. – С. 41.
41. См., например, речь А.Н. Потресова на Всероссийском объединенном съезде РСДРП // РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.
42. ВД. – 24 мая.
43. Правда. – Пг., 1917. – 3 октября.
44. Цит. по: Политические деятели России 1917. – М., 1993. – С. 207.
45. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 112, 98.
46. См.: *Иоффе Г.* Как большевиков пропустили к власти // Московские новости. – 2003. – № 43. – С. 13.
47. Пролетарий Поволжья. – Саратов, 1917. – 26 октября.
48. ВД. – 6 сентября.
49. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 137.
50. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 120.

51. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 12. – С. 34.
52. ГАСО. ФП. 651. Оп. 5. Д. 244. Л. 3–4.
53. См.: Булдаков В.П. Указ. соч. – С. 213.
54. Троцкий Л.Д. Дневники и письма. – М., 1994. – С. 118.
55. См., напр.: Москвич-избиратель. – М., 1917. – № 11.
56. Пайнс Р. Русская революция. Ч. 2. – С. 80–81.